

Из переписки А. Белого: Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх

(публ., вступ. ст. и комм. Джона Малмстада)

Опубликовано в журнале:
 "НЛО" 2001, No 51

Мережковский, Минский, Гиппиус, Бальмонт, Брюсов, Сологуб, Андреев, В. Иванов, Зиновьева-Аннибал, Ремизов, Блок, Чулков, Кузмин - все они живейшим образом интересовались театром и сами писали пьесы, многие из которых были поставлены на русской сцене в период с 1905 по 1917 г. и позднее. Некоторые мечтали не просто о "новом театре", но, как Вячеслав Иванов, о театре, который бы в новой коллективной эпохе раз и навсегда соединил мостом бездну между народом и интеллигенцией, зрителем и драматургом.

Бросается в глаза отсутствие одного лишь имени в списке тех писателей и мечтателей, которые ассоциируются у нас с "декадентством" и "символизмом", тех, кто создал русский модернизм и пытался пересоздать его театр: Андрея Белого (1880-1934). Действительно, еще в детском возрасте он был поражен "магией" театра, когда впервые, девяти лет отроду, увидел спектакль Малого театра. В гимназические же годы, под влиянием вдохновенных уроков Льва Поливанова, его увлечение театром переросло в серьезный интерес. Любопытно, что в своих воспоминаниях Белый сравнивал своего любимого педагога с человеком, который играл огромную роль в создании нового русского театра, - В.Э. Мейерхольдом (1874-1940). "Поливанов был воплощенной двуногой педагогической системой; каждый жест его был систематичен в своей конкретности; но именно пребывая в конкретном, он никогда не сформулировал своей системы в абстрактных лозунгах; может быть, - и не умел, как, например, Мейерхольд, умеющий великолепно поставить пьесу и не умеющий объяснить своей постановки"¹.

Примерно двумя десятилетиями ранее, в 1911 г., именно Мейерхольд поставил имя Белого в ряд тех, кто пытается "прежде всего возродить ту или иную особенность одного из театров подлинно театральных эпох. <...> Андрей Белый пытается создать современную оригинальную мистерию"². Мейерхольд имел в виду два фрагмента из незаконченной "мистерии" на тему пришествия антихриста под маской Христа. "Пришедший", над которым Белый работал в 1898-1899 гг. и которого, по его словам, он "испортил", подготавливая к напечатанию³, появился в третьем выпуске альманаха "Северные Цветы" (1903) с подзаголовком "Отрывок из ненаписанной мистерии". Три года спустя Белый поместил отрывок из другой "задуманной мистерии", примыкающей к теме "Пришедшего", под заглавием "Пасть ночи", в первом номере журнала "Золотое руно"⁴. Если бы Белый случайно натолкнулся на замечание о нем Мейерхольда - а он вряд ли был с ним знаком: книга Мейерхольда "О театре", в которой впервые была опубликована эта статья, появилась к концу 1912 г., когда Белый жил за границей, следуя за своим новым "учителем", Рудольфом Штейнером, в лекционных турне последнего - он был бы польщен; вместе с тем он определенно знал, что эти его мистерии занимают более чем скромное место как в общем корпусе его сочинений, так и в более широком контексте модернистского театра в России.

Белый сам не пытался браться за драматические сочинения вплоть до 1924 г. Однако в 1900-е гг. он часто заводил разговор о представителях "нового театра" в статьях о Метерлинке, Ибсене, Гауптмане и Уайльде, о Чехове, Андрееве и Блоке. Белый практически не занимался театральной критикой, но двум его рецензиям на московские гастроли театра Комиссаржевской суждено было сыграть роковую роль в карьере Мейерхольда, с осени 1906 года ставшего главным режиссером этого театра. В первой из них, опубликованной в газете "Утро России" (1907. 16 сентября. No 1) под названием "Символический театр. К гастролям Комиссаржевской", Белый писал о противоречии между идеей символистского театра и искусством театра как таковым: "символическая драма, будь она проведена со всей строгостью в пределах сцены <...> разрушила бы театр: она стала бы бытием символов. Но всякая религия и есть утверждение за символом его бытия. Возникновение и развитие религий есть не что иное, как превращение жизни в символическую драму. Вот почему возникновение драмы из религиозной мистерии глубоко знаменательно. И символическая драма неизбежно ведет к возобновлению мистерий как-то по-новому. Как это возможно в современном укладе жизни"?⁵ Белый признает, что в театре Комиссаржевской "мы имеем дело с попыткой приблизить драму к мистерии, т.е. тут - начало коренной революции в театре", но оно кончится, уверяет он, не созданием театра-храма, а разрушением театра как такового.